

КОНЦЕПЦИИ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Петровский Н. А.

Республика Беларусь, г. Минск

Международный университет «МИТСО»,

заведующий кафедрой международного права,

кандидат философских наук, доцент

В условиях разворачивания общепланетарных глобализационных процессов значительно расширяется и углубляется сотрудничество и взаимозависимость государств, их объективная интеграция как субъектов международного права. Все это ведет к образованию международных наднациональных организаций (по типу ЕС), которым страны жертвуют часть своего суверенитета с правом принятия решений прямого действия как в отношении самих государств, так и их юридических и физических лиц. Вместе с тем можно констатировать, что существующее сегодня международное и национальное (внутригосударственное) право представляют собой две достаточно самостоятельные системы права, имеющие как определенные общие характеристики, так и свои особенности. Следовательно, существует потребность в разработке универсальных платформ взаимодействия и гармонизации международного и национального права. Этим объясняется актуальность избранной темы исследования.

Исходя из *позитивистской* концепции, можно утверждать, что общим у международного и национального права является то, что и одно и второе прежде всего есть «право» [1, с. 11]. На наш взгляд, это и является универсальной платформой для сближения международного публичного и национального права, поскольку через нормы международного права определяется взаимодействие правовых систем и регулируются межгосударственные отношения конкретных государств. Иначе говоря, международное право представляет собой некое универсальное образование на основе права, через которое государства взаимодействуют между собой. В данном контексте речь идет о международном публичном праве как о праве межгосударственном, субъектами которого являются суверенные государства, народы, государства в стадии становления, межгосударственные организации, а также

учреждения, защищающие и гарантирующие на международном уровне права человека [2, с. 417–509].

Исследуя концептуальные подходы к соотношению международного и национального права нельзя не обратиться к *дуалистической и монистической концепциям*. Первая была разработана известным германским правоведом Г. Триппелем, идеи которого разделяли В. П. Даневский, Д. Анцилотти, Л. Опенгейм и другие исследователи. Согласно дуалистической концепции международное и национальное право представляют собой самостоятельные отрасли и правовые порядки. У них нет точек пересечения. Сторонники этой концепции полагали, что международное право регулирует отношения между государствами, исходя из их «общей воли» и оно не может являться частью внутригосударственного права. А национальное право регулирует отношения внутригосударственные между гражданами, а также между ними и государством. При этом национальное право не может создавать и изменять нормы международного права и наоборот. Обязанность государств – добросовестно исполнять свои международно-правовые обязательства. При этом в внутригосударственной системе права может быть установлен приоритет национального права над международным. Можно утверждать, что концепция дуализма не учитывала глубинную взаимосвязь международного и национального права. Автором монистической концепции является немецкий ученый В. Кауфманн, который выдвинул идею о том, что в международном и внутригосударственном праве только одна из этих систем обладает верховенством. Это может быть национальное право, которое своими нормами детерминирует влияние международного права в конкретном государстве. Либо это может быть международное право, которое способно регулировать и внутригосударственные отношения. Другими словами, соотношение международного и национального права обусловлено характером взаимодействия регулируемых отношений.

Сторонники верховенства национального права (Эйхельман, Цорн, Мальберг и др.) были убеждены в том, что международное право это просто «внешнегосударственное» право «нормы которого являются юридическими лишь в той мере, в какой они включены в национальное право» [3, с. 105]. Иначе говоря, юридическая сила международного права обусловлена и зависит от конкретного государства в системе международного общения.

Однако большее распространение получило второе направление монизма, представители которого признавали верховенство международного права. Внутри сторонников этой концепции были расхождения в вопросе правовых последствий влияния международного права на национальное. В силу этого возникли два разных течения: радикальный монизм и умеренный монизм. Сторонником радикального монизма был австрийский юрист и философ Х.Кельзен, он утверждал, что международный правопорядок, базирующийся на международном праве, включает в себя все национальные правопорядки и правовые системы. Он исходил из того, что все государства – это корпоративные юридические лица и проводил следующую аналогию: соотношение международного права и национального суть соотношение внутреннего национального правопорядка и внутренних норм корпорации [4, с. 168–169]. Следует отметить, что монистический подход явился своеобразной платформой для формирования правовой системы Европейского Союза.

Еще одной концепцией соотношения международного и национального права, предложенной представителями Уральской школы международного права (Безбородов Ю. С., Лазутин Л. А. и др.), является международно-правовая **конвергенция**, под которой следует понимать методологию сближения международного и национального права. Прежде всего речь идет о таких методах, как гармонизация и унификация. Первый отличается от второго тем, что он шире, глобальнее и в известном смысле «мягче». Как правило, гармонизация не предполагает договорных форм. Она происходит во многом исходя из добровольных волевых устремлений со стороны субъектов международного права. Примерами гармонизации могут быть Конвенция по регулированию китобойного промысла 1946 года, или Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Это добровольное сближение договаривающихся сторон (правительств) о выборе нормативном закреплении того или иного варианта поведения в интересах всего мирового сообщества.

Что касается унификации, то этот метод конвергенции представляет собой прежде всего правотворческий процесс и предполагает нормативно-договорное сближение субъектов международного права с целью создания единообразных норм, с привлечением норм международного права, для регулирования

тех или иных отношений в интересах граждан конкретных стран. Унификация – это проявление воли государств, заинтересованных в достижении конкретных целей. В силу этого мы солидарны с дефиницией, предложенной Ю. С. Безбородовым: унификация – это правотворческий процесс, направленный на создание единообразных правовых норм не только для исключения противоречий и различий между национальными правовыми системами либо между международно-правовыми нормами, но и для выработки новых норм, восполняющих пробелы в регулировании специальных вопросов [5, с. 44].

На пути развития международно-правовой конвергенции достаточно много объективных трудностей и препятствий, одним из которых является значительное различие систем национального права: романо-германская и англосаксонская правовые семьи. Это и другие различия привели к тому, что международно-правовая конвергенция, будучи объективным и глобализационным процессом, стала принимать локальные формы. Так, в Европе возникли такие государственно-правовые образования, как СЭВ, Европейский Союз, Совет Европы, СНГ, Союзное государство Беларуси и России, в Америке это Организация американских государств (ОАГ), куда входят 35 стран Северной и Южной Америки, в Африке это Африканский союз, насчитывающий 48 стран, в Азии это АТЭС, ЕврАзЭС, ШОС. Примером межконтинентальной международно-правовой организацией является БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Из вышеизложенного следует, что на стадии новейшей истории концепция международно-правовой конвергенции, несмотря на ее объективный глобальный характер, реализуется преимущественно только в практике международных организаций.

В заключение следует сказать, что перед относительно молодой наукой международного права стоит проблема поиска оптимального соотношения международного и национального права. Сегодня уже существуют детальные работы по исследованию различных аспектов концепции международно-правовой конвергенции. Но перед исследователями еще стоит огромный сонм проблем, ожидающих своего решения.

Список цитируемых источников

1. Черниченко, С. В. Международное право: современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко. – М. : Международ. отношения, 1993. – С. 294.
2. Карташкин, В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В. А. Карташкин. – М., 1995; Карташкин, В. А. Международная защита прав человека / В. А. Карташкин // Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 1996. – С. 417–509.
3. Васильева, Л. А. Международное публичное право: учеб. пособие / Л. А. Васильева, О. А. Бакиновская. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – С. 576.
4. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.]; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. – Минск : Амалфея, 2011. – С. 496.
5. Безбородов, Ю. С. Международные модельные нормы / Ю. С. Безбородов. – М. : Волтер Клубер, 2008. – С. 135.

**НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТЫ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Рыбак С. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
декан юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

За последние три десятка лет более чем в 20 европейских государствах приняты правовые акты по защите персональных данных. В них закреплены механизмы правового регулирования персональных данных. Общими чертами национального законодательства европейских стран в области сбора, хранения, автоматической обработки и использования персональных данных являются:

обеспечение контроля за использованием персональных данных со стороны самого субъекта;

защита персональных данных от несанкционированного доступа к ним со стороны посторонних лиц, в том числе представи-